

Яков Шехтер

Дом над лиманом

Дом Степа затеял большой. Отдельные комнаты для детей, супружеская – его с Фаней спальня, рабочий кабинет, библиотека, на втором этаже столовая с большим балконом. Балкон выдавался вперед над крутым берегом лимана, и если облокотиться на парапет, не на перила, а на парапет из настоящего мрамора, казалось, будто ты паришь в воздухе. Внизу простиралась только серая вода, иногда с известково-белыми завитками пены над мелкой волной, иногда сияющая, точно зеркало.

Особенно хороши были летние ночи, когда ветер приносил из глубины лимана свежесть. Тяжелое дыхание нагретых солнцем ковылей, густо покрывавших берег, смешивалось с острым запахом рыбы и водорослей, и этот удивительный коктейль ароматов кружил голову, будоража в крови древние, казалось бы, давно погребенные под пеплом веков инстинкты охотника и рыбака.

Степа построил на окраине Овидиополя заводик для выработки подсолнечного масла. Крупные подсолнухи с ядреными черными семечками хорошо росли на полях, окружавших городок, поэтому дело пошло неплохо. Семья Степы продолжала жить в Одессе, а сам он переселился поближе к бизнесу. И хоть на машине от Овидиополя до Одессы всего сорок минут, приезжать удавалось только на выходные. Заводик работал в три смены, а каждая капля масла приносила прибыль, расставаться с которой Степа не хотел. За послеперестроечные годы он крепко хлебнул всякого и, поймав – наконец то! – птицу счастья за раззолоченный хвост, боялся выпустить ее из рук.

В конце концов, он уговорил Фаню перебраться в новый большой дом, построенный без налогов, на почти дармовом труде

местных мастеров, изголодавшихся без работы. Дом! Дворец, с итальянской кухней, дубовым паркетом, как в музее, джакузи и теннисным кортом на огромном приусадебном участке. Вот только играть на корте было некому – дети остались в Одессе.

Детми Степа их называл по привычке, дочка Юля уже два года как ушла из дому и поселилась со своим другом, владельцем сети магазинов готовой одежды. Без свадьбы, без записи в паспорте, просто стали жить вместе – и все тут.

«Такая нынче мода у молодых», – сетовал Степа, но поделаться с этим ничего не мог. Его сын Виктор, студент юридического, точно так же жил с веселой девушкой из консерватории. Оформлять отношения никто из детей не собирался.

– Послушай, папа, – спокойно и очень серьезно сказал ему сын, когда Степа в очередной раз стал расспрашивать о планах на будущее. – Мы поженимся, если решим заводить детей. Нам самим клеймо в паспорте ничего не прибавит. Понимаешь?

«Козлик ты молодой», – хотел сказать Степа, но сдержался и промолчал. Он еще бы понял, если б сын менял подруг каждые несколько месяцев. Но Виктор жил со своей Гандзей уже три года, и такое постоянство в его возрасте говорило о многом. Действительно, какая разница, стоит штамп в паспорте или нет, если ты сам поставил его в собственном сердце?!

Да, на юношеские забавы это не походило, поэтому сдержался Степа правильно, за что потом не раз сам себя хвалил. Не козлом тут пахло, а чем-то иным, знакомым и хорошо понятным. За долгие годы супружеской жизни ему самому ни разу не пришлось в голову изменить жене. И сын пошел в него. Что ж, верность сегодня не в чести, как, впрочем, и сама честь, но надежность в семейной жизни одно из главных достоинств, и тот, кто ее придерживается, никогда не остается внакладе.

Фаня перевезла вещи, расставила по пустым комнатам, наполнив их чем-то неуловимо женским, обратившим холодный дворец в уютное жилище. Поджарив яичницу с сыром и за пять минут настригав роскошный салат из огурцов, помидоров «бычьему сердцу» и зеленых хрустящих под ножом перцев, она украсила его укропом, щедро полила подсолнечным маслом и накрыла ужин прямо на балконе. Пока Степа, обдуваемый ветерком, наслаждался

домашней едой, она подошла к парапету, провела пальцами по холодной влажной поверхности, глубоко вдохнула лиманский воздух и расплакалась.

– Ну что ты, Фанечка, что ты, – утешал ее Степа, обнимая за мелко дрожащие плечи. – Успокойся, малыш, все наладится.

Маленькая, она уткнулась головой ему в подмышку и, успокаиваясь, чуть посапывала носиком, как ребенок. И за это посапывание, за эти доверчивые прикосновения мягкого любимого тела он готов был отдать все на свете. Как много лет назад, тогда, на танцплощадке.

Жизнь в Овидиополе была куда дешевле, чем в Одессе, но и гораздо скучнее. В Одессе Фаня служила участковым врачом, и ее день был расписан по часам. Искать работу в Овидиополе ей не пришлось, узнав о приезде одесского врача, в дом над лиманом явился лично заведующий горздравотделом.

– Никакой поденщины, – наотрез отказал Степа, даже не спросив Фаню. – Моя жена открывает частную практику.

– Частную? – брови заведующего удивленно поползли вверх.

– Да, частную. Первую в Овидиополе. Всегда кто-то начинает первым, не так ли?

– Но, – начал было заведующий, однако Степа сразу ухватил быка за рога.

– Вот разрешение из канцелярии губернатора, – он жестом фокусника извлек из портфеля папку и аккуратно положил на стол перед заведующим бумагу с гербом. – А вот разрешение от... – тут уже Фаня чуть не открыла рот от удивления. Да, Степа не терял времени даром. Вся батарея необходимых документов, справок и разрешений на открытие частной врачебной практики была тут: связи, старые знакомства и, конечно, хрустящие дензнаки делали свое дело на Украине с таким же успехом, как и в любом другом месте земного шара.

Кабинет оборудовали на первом этаже, в комнате, предназначавшейся для Виктора. Дали объявление в местную газетенку, и пациенты потянулись тонкой серебряной цепочкой. Плату для почина Степа установил почти символическую, и слух о хорошем и почти бесплатном враче моментально облетел город. Прошло больше года, пока удалось повысить гонорар. К тому времени

у Фани образовался прочный круг постоянных посетителей, кое-кого отпугнули новые цены, но большинство осталось.

Фаня была хорошим врачом, два десятилетия хождения по участку и длинные беседы с больными научили ее терпению и внимательной доброжелательности. Теперь многие приходили к ней просто пожаловаться на судьбу и выговориться под предлогом установления диагноза. Фаня это прекрасно понимала, считая вербальную терапию одним из методов лечения.

День пролетал незаметно. Утром она вставала раньше мужа, готовила завтрак и накрывала на стол. Летом – на балконе, а зимой – в столовой, перед большим окном шведского производства, надежно защищающим от сурового лиманского ветра. После завтрака Степа уходил до темноты, а Фаня начинала прием больных. Работала она не ради денег, заводик мужа превратился в серьезное предприятие, приносящее солидный доход. Привычно осматривая пациентов, выписывая рецепты и выслушивая жалобы, она иногда вспоминала избитый пример с лошадью, приученной ходить в шахте по кругу, поднимая и опуская клеть с шахтерами, и будучи отпущенной на волю по дряхлости, продолжавшей точно так же выписывать бесконечные круги по зеленому лугу.

«Я такая же лошадь, только в другом кругу. Что у меня осталось в жизни, кроме пациентов? Ни мужа, ни детей, одни только имена. Если больные перестанут приходить, мне придется им доплачивать, чтобы вернулись, иначе умру от скуки».

Прием длился четыре часа. После него Фаня долго и тщательно мыла руки, переодевалась и шла варить кофе. Степа много раз предлагал купить роскошный американский аппарат: засыпаешь зерна, нажимаешь на кнопку – и пей сколько хочешь! Но вот именно этого Фаня и не хотела. Она любила делать все по старинке. Долго молоть зерна в ручной мельнице, наслаждаясь запахом, потом доводить до кипения воду в медной, начищенной до блеска джезве, длинной ложечкой подбирать пену, снимая ее поцелуйными движениями губ.

Пила она всегда одну чашку, зачарованно глядя на лиман. Неоглядная водная гладь завораживала, лишь иногда ее разрезали редкие рыбацьи баркасы с черными просмоленными боками и грязно-коричневыми парусами на тонких мачтах. Вместе с советской

властью закончилась промышленность, и рыба вернулась в очистившуюся воду. Баркасы уходили куда-то на середину лимана, ставили на отмелях сети и возвращались к вечеру, жужжа подвесными моторами. Случалось, Степа приносил свежую рыбу, и Фаня жарила ее на красной сковородке с тефлоновым покрытием, патентовано предотвращающем пригорание. Но рыба все равно пригорала, как и на старых чугунных сковородках без всякого покрытия.

– Я люблю, когда пережарено, – успокаивал Фаню Степа, жадно подбирая пригоревшие кусочки. Он был милым и добрым – с ней, разумеется, и она относилась к нему с большой теплотой. Жаль только, что его почти никогда не было дома.

К делам бизнеса прибавились дела казачьи. Оказалось, что Степа происходит из старинного рода запорожских сечевиков. Сам он так решил или действительно слышал от родителей какие-то рассказы, установить уже не представлялось возможным. Родители Степы умерли задолго до его знакомства с Фаней, а единственные дальние родственники жили в селе под Белой Церковью, и Фаня их ни разу не видела.

В Овидиополе набрался почти десяток потомков вольного запорожского воинства, и они с увлечением принялись играть в новую для себя игру: создали общество, сняли помещение, даже пошили какое-то подобие формы. Особо рьяные обрили головы и начали отращивать оселедцы. Но это уже больше походило на курьез, и если вынести его за скобку, потекла общинная жизнь, в которой еврейской жене не было места. Впрочем, не было в ней места и русским женам, и даже чисто украинским: новоиспеченные казаки предпочитали проводить время без женщин.

Фаня не ревновала мужа к сечевикам. Она вообще с трудом понимала, как ее шалопай Степка, гроза Пересыпи, превратился в делового человека. Босяцкая удаль, атаманское презрение к опасности, шикарная снисходительность заводили удивительным и непостижимым образом перетекли в инициативную смелость бизнесмена. Степа брался за такие проекты, о которых другие и думать не смели, с ловкостью уличной шпаны выскальзывая из смертных объятий банков и дефолта.

Фаня опасалась, что не до конца реализованная нахрапистость может вызвать рецидив опасного в деловых сферах молодечества. Игра в казацкую вольницу, в которой Степа занял место атамана овидиопольских казаков, была самым безобидным способом сброса напряжения.

Переливающаяся поверхность лимана продолжала завораживать Фаню. Она все больше и больше времени проводила на балконе, поставив возле кресла «Сони» с лазерным проигрывателем и запуская один за другим любимые диски. Под музыку хорошо вспоминалось и мечталось. От солнца и бликов перед глазами плавали темные пятна, свиваясь в причудливые фигуры. Иногда ей казалось, будто она различает очертания знакомых лиц или вещей. Вот то пятно напоминало комод в комнате ее бабушки, а вот это походило на саму бабушку, когда она возвращалась с Привоза, чуть сгорбившись под тяжестью оттягивающих руки авосек.

«Мир разговаривает со мной», – думала Фаня, пытаясь отыскать смысл в плывущих тенях. Ей почему-то казалось, будто фигуры таят подсказку, ответ на волнующие ее вопросы. Но ничего определенного так и не удавалось разобрать. Причудливая игра, неуловимые, не поддающиеся осмыслению переливы света.

Сочетание лимана и музыки действовало успокаивающе, и в голове у Фани начал созревать план кабинета или даже целого санатория релаксации, в котором вместо химии больных будут лечить музыкой и блеском водной глади. Она будет лечить. Но сначала требовалось пройтись по этой дорожке самостоятельно и поглядеть, что же там в конце.

Количество чашек кофе увеличилось сначала до двух, а потом до трех. Прошедшая жизнь, такая короткая и такая длинная, нескончаемой лентой крутилась перед глазами Фани. Она точно знала, чем закончится каждый эпизод, но с особым удовольствием припоминала позабытые детали.

Танцплощадка. Туда ее затащила подружка по мединституту.

– Что ты все зубришь да зубришь? Пойдем, попрыгаем, разгоним кровь!

Но попрыгать не пришлось. Подружку наперебой приглашали; статная шатенка с озорным блеском подведенных глаз пользовалась успехом. Фаня весь вечер стояла у стеночки и просто

наблюдала. Ей не нравились ни эти лица, ни эти нравы. Зато подружка чувствовала себя как рыба в воде, бойко перекрикиваясь с кавалерами, голоса которых заглушала громкая музыка, шуточно хлопала их по рукам, когда, по ее мнению, прикосновения переходили за грань.

Уже под конец вечера к Фане подошли три парня и, заслонив толпу, приступили к расспросам.

– Новенькая? – спросил один из них с какой-то неприятной усмешкой.

– Да, новенькая, – согласилась Фаня.

– А потанцевать не желаешь? – предложил второй, придвигаясь ближе.

– Нет, – испуганно отказалась Фаня, отступая назад. От парней исходила явственная опасность. Фаня пока не понимала, какая, ведь вокруг было так много глаз, столько света и шума.

– А поваляться? – ухмыльнулся третий. Фаня попятилась еще на шаг и уперлась спиной в стенку. Дальше отступать было некуда, и она вздрогнула от страха. Ее дрожь не ускользнула от внимания парней. Они заржали, и первый, не смущаясь, вытянул руку и потрепал Фаню по груди.

От неожиданности и обиды она охнула, из глаз сами собой покатались слезы. Никто и никогда так к ней не прикасался. Она сжала кулачки! Драться с этими бугаями не было ни малейшего смысла, кричать тоже, ее голосок никто бы не расслышал в громе музыки. Она вдруг поняла, что свет и множество людей вокруг не могут защитить ее от столь откровенного надругательства.

– Ну, и как буфера? – осведомился второй парень, поднимая руку. Он хотел повторить жест первого, как вдруг кто-то бесцеремонно раздвинул обидчиков, словно они были не живыми людьми, а картонными манекенами. Парни со злобой развернулись, но при виде виновника беспокойства озлобление немедленно сменилось лстивыми улыбками.

– Степка, здорово!

– Что, прямо из рейса?

– Давно тебя не видели!

Тот, кого они называли Степкой, был на голову выше обидчиков, шире в плечах и выглядел весьма внушительно. Русоволосый,

с лицом былинного богатыря, он держался спокойно и уверенно. Быстро окинув взглядом залитое слезами лицо Фани и заметив дрожащий подбородок, Степка спросил:

– И чем же это вы тут занимаетесь?

– Новенькую проверяем, – ответил первый. – Вступительные экзамены.

– А ну, чешите отсюда, – резко приказал Степка. – И если еще раз увижу вас возле нее – пеняйте на себя!

– Ты шо завелся, шо завелся? – взвизгнул первый. Но Степка опустил руку на его плечо и так сжал, что тот скривился от боли.

– Да кому она нужна, бледная спирохета! – возмутился он, пытаясь сбросить руку.

– Степа, все ясно, – умиротворяющим тоном заметил второй. – Твое слово – закон, как сказал – так и будет.

Парни повернулись и быстро исчезли из виду, затерявшись между танцующих пар.

– Вы действительно тут в первый раз? – мягко спросил Степка. Эта девушка как-то по-особенному действовала на его сердце. Ему вдруг захотелось говорить красивые слова, дарить цветы и спасать. Да, спасать, вынося на руках из горящего дома, вытаскивать из воды после кораблекрушения. Дрожащую от холода, испуганную, мокрую. Брать на руки, нести к костру, согреть возле пламени, и тогда в знак благодарности, закрыв глаза, она нежно прикасается губами к его...

– И в последний, – ответила Фаня.

– Позвольте, я вас провожу, – предложил Степка. – Тут много всякой швали шатается.

– Но я с подругой, – попыталась возразить Фаня.

– Видел я вашу подругу, – усмехнулся Степка. – Поверьте, она не пропадет. В отличие от вас, мадам, – и он неожиданно для самого себя склонился в полупоклоне. Фаня фыркнула от смеха.

– Если хотите говорить по-французски, – заметила она, отирая слезы, – то я пока еще не мадам, а мадемуазель.

– Я буду счастлив помочь вам исправить это недоразумение.

– Никакого недоразумения тут нет, – снова улыбнулась Фаня. – Замужней женщиной, мадам, не рождаются, а становятся. А девушек во Франции называют мадемуазель.

Она замолчала на секунду, а потом с непонятно откуда взявшимся лукавством спросила:

– А вы, таинственный незнакомец, герой и спаситель, похоже, делаете мне предложение?

– Да! – выпалил Степа, заливаясь румянцем. – И еще какое!

Так началось их знакомство. Дальше все покатилось быстро и непредсказуемо. Если бы можно было замедлить ход времени и потихоньку, не торопясь, разобраться во всех хитросплетениях ежедневно завязывающихся узелков, возможно, жизнь Фани сложилась бы совсем по-другому. Но ее несло, несло неудержимо и без оглядки в объятия богатыря-матроса.

Связь Фани и Степы подействовала на ее родителей как удар грома. Узнав, что их единственная любимая дочь серьезно встречается с простым матросом, к тому же украинцем, они на несколько минут потеряли дар речи. Такой афронт мог привидеться лишь в самом страшном сне. Но сбываются даже страшные сны, и спустя год невозможное свершилось.

Да, они были разными. Очень разными. Однако вопреки осторожным предостережениям, прозрачным намекам и зловещим пророчествам, Степа с каждым годом все больше любил свою маленькую жену. Бывают в жизни чудеса, и с Фаней случилось одно из них. Невзирая на генотип, ментальность, воспитание и среду, Степа не пил, не таскался по бабам, обожал своих детей и вел себя в семье, точно еврей-очкарик, воспитанный учительницей музыки и инженером-конструктором. К родителям Фани он относился с подчеркнутым почтением, и те, правда, спустя несколько лет, все же приняли его в «свои».

Легкие облака проплывали над балконом, пронзительно, словно в последний раз, вскрикивали чайки, неумолчный шорох волн, без усталости лижущих берег под балконом, усыплял и завораживал. Фаня понимала, что никогда не сможет объяснить, что творится в ее душе, не сможет передать другим людям великое очарование тишины, влажного ветерка, высокого неба.

Так прошло два года. Наверное, не самых плохих в ее жизни. А может быть, самых лучших. И вот покой кончился, как кончается полоса утреннего тумана, висящего над водой.

Виктор появился внезапно, без предупреждения. Фаня услышала шум мотора машины, въезжающей на стоянку перед домом, и вышла посмотреть, кто приехал в неурочное время. Прием больных давно закончился, время мужа еще не наступило. Скорее всего, кому-то срочно понадобилась медицинская помощь. Фаня постаралась собраться, оттолкнув негу расслабленной созерцательности, наполняющей ее сердце после двухчасового сидения на балконе.

Он вошел, хмурый и расстроенный. Вяло чмокнул в щеку, кинул сумку в угол и повалился в кресло.

– Что случилось, сынок? У тебя неприятности?

– Скорее приятности, – буркнул он. – Дай поесть, мам.

Фаня захлопотала, забегала, пытаясь заполнить суетой зияющую между ними пропасть. Обед она накрыла на балконе, рассчитывая, что лиман окажет на Виктора успокаивающее действие, но тот даже не посмотрел за парапет, молча ел, уткнувшись носом в тарелку.

– У тебя неприятности? – решила повторить Фаня, когда меню было исчерпано.

– Даже не знаю, как это назвать, – мрачно ответил Виктор. Он помолчал, затем быстро произнес несколько фраз.

– Она ушла от меня. Просто так, без повода, собрала вещи и ушла. Я звонил, потом пришел к ней в консерваторию. «Ты мне надоел», – вот все, всего три слова. Ни оттолкнуть, ни запретить. Ты мне надоел.

Фаня не знала, что ответить. Внешностью сын пошел в нее, а характером в Степу. Такой же однолюб. Видно, крепко ушибла его Гандзя, если он все бросил и примчался в родительский дом за утешением.

– Я не стану говорить тебе, – тихонько сказала Фаня, – что это тоже пройдет. – Ты и сам знаешь.

Виктор кивнул.

– Тебе сейчас больно и плохо. Только об одном тебя прошу. Не делай никаких поступков, пока внутри не станет тихо.

– А если не станет, мама?

– Станет. Раньше или позже, но станет. Поверь мне.

– Но я не могу столько ждать, мама.

– А когда Гандзя ушла?

Услышав ее имя, Виктор вздрогнул, и она поняла, что совершила ошибку.

– Вчера. Она ушла вчера утром.

– Ты даже еще не начал ждать.

Узнав о приезде сына, Степа свернул свои дела и вернулся намного раньше обычного. Сначала он попытался утешить его по-мужски, откупорив бутылку дорогого коньяка. Но Виктор не любил спиртного. Тогда после нескольких звонков он повез его в клуб сечевиков, рассчитывая отвлечь его от мрачных мыслей рассказами о славной истории рода. К его удивлению и радости, Виктор слушал казацкие байки с большим интересом, а вернувшись домой, попросил у отца всю литературу по истории вопроса.

– Юрист, – с уважением отметил Степа, рассказывая обо всем жене. – Основательный подход. Если берется за вопрос, то начинает с фундамента.

Ох, если бы он знал, к каким неожиданным последствиям приведет сына знакомство с запорожцами!

Виктор остался в Овидиополе до конца выходных, а потом, заметно успокоившись, вернулся в Одессу. Через три дня Фаня взяла мобильный телефон и осторожно нажала на кнопку быстрого набора с цифрой два. Под цифрой один скрывался номер Степы, три – Юли, потом шли номера родителей. Степа купил всем аппараты самых последних моделей, и Фаня могла в течение секунды связаться со всеми членами семьи.

Гандзя не вернулась и не собиралась возвращаться. Виктор звучал угрюмо, но спокойно. Судя по всему, жизнь продолжалась.

– Когда ты в последний раз видел Юлю? – спросила Фаня, желая переменить тему.

– Вчера. Зашел в «Фанкони» выпить кофе и наткнулся.

– О! – уважительно воскликнула Фаня. – Ты ходишь пить кофе в такое дорогое место?!

Она никак не могла привыкнуть к богатству. Годы прозябания на зарплату приучили ее к бережливости. Степина получка шла на выплату кооперативной квартиры, а жить приходилось на короткие рубли участкового врача.

– Мама, – рассмеялся Виктор. – Я в «Фанкони» только кофе пью, а Юлька обедает. Причем каждый день. Их магазин в ста метрах от кафе, вот они и повадились.

Услышав его смех, Фаня успокоилась и закончила разговор.

Прошли три месяца, и вдруг Виктор приехал прощаться.

– Уезжаю в Израиль, – объявил он родителям.

– Зачем? – удивился Степа. – Чем тебе плохо в Одессе?

– Там идет война, – объяснил Виктор. – Я хочу пойти в действующую армию.

Фаня побледнела.

– Не пугай мать! – прикрикнул на сына Степа. – Что за дурацкие идеи!

– Почему дурацкие, папа! Ты ведь сам мне рассказывал про героев нашего рода, удалых казаков. О том, что настоящий мужчина проверяется в бою, про славные традиции. Вот я и решил попробовать.

– Ну это же, – не находил слов Степа, – только история, далекое прошлое. Сегодня Украина ни с кем не воюет.

– Но я ведь не только украинец, – напомнил Виктор. – Я еще и еврей. А евреи воюют. Вот я и хочу перенести смекалку запорожских генов на Святую землю.

– Это не твоя война, Витя, – вмешалась Фаня. – Где мы – и где Израиль?

– Это моя война, мама, – очень серьезно ответил Виктор. – Папа говорил о рыцарстве сечевиков. О том, как они защищали правое дело, отстаивали справедливость. Вот тогда я понял, почему мне захотелось стать адвокатом. И понял, что в войне с террористами мое место на стороне жертв. Поэтому я оформил документы и через два дня улетаю.

– Мы тебя не пустим, – твердо заявил Степа. – Ты не можешь никуда улететь без родительского разрешения.

– Папа, – чуть грустно ответил Виктор. – Папа, я хоть и несовершеннолетний, а для взрослых только в том случае, если родители стары и бедны. Наше государство просто не хочет заботиться о стариках, понимаешь? Но вы с мамой, слава Богу, пока не нуждаетесь в моей или Юлькиной помощи.

– Сынок, – сменил тон Степа, – я понимаю, Гандзя тебя обидела. Ей и мсти! Почему нам, мы-то в чем виноваты?

– Вы? – тяжело вздохнул Виктор. – Вы-то как раз виноваты во всем. В том, что я вырос таким обормотом! Что не могу из-за любви ни есть, ни спать, ни жить. И что нет мне покоя ни днем, ни ночью. А поэтому, если вы действительно желаете добра своему сыну, не мешайте спокойно уехать. Отслужу в армии, приеду в отпуск, там видно будет. Украинский паспорт я сдавать не собираюсь...

И он уехал. Обещал быть осторожным. Обещал звонить каждый день. Обещал все, что обещают дети, вылетая из родительского гнезда. И большую часть своих обещаний сдержал.

Прошел год. Свежим майским днем, закончив прием больных, Фаня сидела на балконе, допивая вторую чашку кофе. Телефон лежал рядом с джезвой. Теперь она не расставалась с ним ни на одну минуту. Иногда пальцы сами собой нежно поглаживали панель.

Фаня и представить себе не могла, что станет так тревожиться. Когда Виктор жил в Одессе, они переговаривались три, четыре раза в неделю, и этого ей хватало. Теперь Фане требовалось слышать голос сына каждый день, а иногда дважды, трижды – утром, днем и вечером. Разумеется, это не всегда получалось, и тогда сосущая тоска сжимала ее сердце безжалостными липкими пальцами.

Но сейчас... Сейчас тревога навалилась удушающе беспощадно, грудь сдавило, перед глазами поплыли темные пятна. Она встала, оперлась на парапет и глубоко вдохнула, пытаясь избавиться от наваждения. Пятна слились, и вместо сверкающей под солнцем поверхности лимана она увидела что-то похожее на черное устье глубокого колодца. Там, в бархатной глубине темноты, раскрылось окно, и в нем возникла цветная картинка.

Большой автобус, переполненный людьми, вдруг оторвался от асфальта, словно пытаясь взлететь, подскочил вверх на полметра, а затем из его середины вырвался столб пламени. Картинку заволокло черным густым дымом, но Фаня успела разглядеть, как автобус тяжело рухнул на асфальт, оконные стекла разом вылетели наружу, и сквозь провалы потек надсадный человеческий вой.

Напуганная, она упала в кресло. Руки и ноги дрожали, на лбу проступили капли пота. Дальше Фаня действовала автоматически, словно кто-то внутри, бесконечно мудрый и точно знающий, что нужно делать, перехватил на несколько минут власть над ее телом.

Схватив со стола телефон, она изо всех сил придавила кнопку с цифрой два. Виктор отозвался спустя несколько секунд. Он звучал весело и бодро.

– Ты где сейчас? – чуть хриплым от волнения голосом спросила Фаня.

– Получил увольнительную. Еду на конец недели в Иерусалим. Собственно, почти уже приехал. Еще пять остановок – и я на месте.

– Немедленно выйди из автобуса, – с трудом сдерживая крик, приказала Фаня.

– Выйти из автобуса? – удивленно повторил Виктор. – Мама, у меня огромная сумка, как я с ней дотащусь?

– Возьми такси. А сейчас сойди. Умоляю тебя! Ради всего святого! Не медли ни минуты!

Виктор ошарашено хмыкнул, мать никогда не разговаривала с ним таким тоном.

– Ладно, скоро будет остановка. Но я сижу в самой середине, и если смогу протолкаться...

– Пожалуйста-а-а-а! – Фаня больше не могла сдерживаться и закричала.

– Хорошо, хорошо, – испуганно воскликнул сын и отключился.

Она не могла встать. Теперь уже не только руки и ноги, а все тело била крупная дрожь. Зубы стучали, а платье промокло и прилипло к спине. Она попыталась спросить у себя, откуда накатила эта волна первобытного ужаса, и не могла ответить.

Постепенно дрожь затихла, пот высох, и только что совершенный поступок стал казаться безумным. Она допила остывший кофе, коснулась кончиками пальцев телефона и в нерешительности замерла. Пальцы продолжали подрагивать, она никак не могла заставить себя нажать черную блестящую кнопку с матовой цифрой.

Звонок напугал Виктора. Вылезти из автобуса за десять минут до конца маршрута было сущим безумием. Но истощный – другого определения он не мог подобрать – истощный крик матери подбросил его с места. Волоча за собой тяжеленный китбек, армейскую сумку, набитую пожитками, и стараясь не обращать внимания на возмущенные возгласы пассажиров, он пробился к выходу.

Автобус остановился, двери распахнулись, и Виктор вывалился на тротуар. За ним никто не последовал, эта остановка была на стыке двух районов, и тут выходили лишь те, кто отправлялся на прогулку в соседний парк. Однако в полдень желающих прогуляться под палящим солнцем не оказалось.

Через переднюю дверь поднялись два ортодокса в черных наглухо застегнутых, несмотря на жару, лапсердаках, замшевых шляпах и с пейсами до плеч. Что-то в их облике показалось ему странным, но что именно, он не понял, да и не стал особо приглядываться.

«Никакая жара их не берет», – с завистью подумал Виктор. Дверь затворилась, и автобус тронулся с места. В ту же секунду Виктор понял, что его удивило, – скованность движений. Обычно ортодоксы расхаживали по Иерусалиму, как по собственной кухне – уверенно и без оглядки. А эти двигались украдкой, словно ночные вору, боящиеся разбудить спящих хозяев.

Он успел подумать о неумолимом времени, размывающим самые незабываемые устои, о том, насколько неправильно мерить всех одним мериллом, как автобус, успевший отъехать на несколько десятков метров, вдруг оторвался от асфальта, словно пытаясь взлететь, подскочил вверх, а затем из его середины вырвался столб пламени. Все вокруг сразу заволочло густым черным дымом, но Виктор успел разглядеть, как автобус тяжело рухнул на асфальт, оконные стекла разом вылетели наружу, и сквозь провалы потек надсадный человеческий вой.

Закончив армию, Виктор вернулся в Одессу. Служба в действующих войсках оказалась нелегкой. Упоения битвой ему испытать не довелось, хотя его часть и располагалась прямо на границе с Газой, а вот тяжелой воинской работы хлебнул сполна.

Виктор возмужал, приобрел уверенность в себе, и причина, погнавшая его в Израиль, теперь казалась смешной.

Взяв у отца крупную сумму, он открыл пиццерию. Подобного рода заведений в Одессе хватало, но благодаря отцовским деньгам он сумел снять помещение на бойком месте – и бизнес закрутился. Еще больше закрутился сам Виктор. Закончить учебу в университете он даже не думал – пиццерия отнимала все время и всю энергию. Место Гандзи заняла другая девушка, не с таким архаичным именем и более свободными повадками. И потекла, заструилась жизнь, разграфленная выходными, состоящая из чехарды плотно заполненных будней и блаженного безделья в редкие дни отпуска.

После отъезда сына Степа забросил сечевиков. Ему надоела эта игра, и он принялся искать себе новую. Вокруг Овидиополя щедро родились помидоры, и Степа решил построить фабрику по выпуску консервированных томатов. Выброс ухарства, которого так опасалась Фаня, все-таки произошел. Строительство поглотило все накопленные капиталы, пришлось под будущие прибыли занимать у друзей. Степе давали охотно, преуспевающая фирма по выработке подсолнечного масла служила лучшим подтверждением кредитоспособности.

Но дело не пошло, ведь у неудачи, так же, как и у удачи, много причин. Чтобы покрыть долги, пришлось продать фирму. Степа хотел заложить дом, но Фаня воспротивилась. Она так привыкла к балкону над лиманом, что жизнь без него казалась невозможной.

Новые хозяева фирмы пригласили Степу остаться исполнительным директором. Он продолжил работать в своем прежнем кабинете и с почти прежним напряжением, только теперь получал за свою работу в пять раз меньше. Его заработка хватало на уплату долгов и содержание дома. А жили они, как и раньше, на зарплату Фани. Она увеличила часы приема до шести в день и, в общем, им удавалось сводить концы с концами.

Обедали они на балконе. Степа приезжал с завода, садился возле жены, наслаждаясь тишиной, прохладой и простором. Кофе он предпочитал коньяк, и с каждым месяцем послеобеденная порция становилась все больше и больше.

Глядя на водную гладь, Фаня часто думала о подступающей старости. Она воображала ее во всех подробностях, пытаясь пробиться взглядом сквозь время, но темные пятна, плавающие перед глазами, больше ни разу не превратились в бархатно-черный колодец.

Тот случай так и остался единственным и неповторимым, как единственна и неповторима сама жизнь.

Израиль

